

Ральф Уолдо ЭМЕРСОН

ПРИРОДА

В этом климатическом поясе едва ли не в любое время года случаются дни, когда мир становится совершенным, когда воздух, небесные тела и земля приходят к гармонии, как будто природа решила потешить своё потомство, когда и на этих унылых высоких широтах мы радуемся светозарному теплу Флориды и Кубы и нам нечего больше желать, когда всё живое блаженствует, а лежащий на земле скот погружается в глубокие спокойные раздумья. Подобная безмятежность присуща, прежде всего, погожей октябрьской поре, которую принято называть бабьим летом. День всё длится и длится над ширью холмов и прогретых полей. Кажется, что жизни не хватит, чтобы пережить один за другим все солнечные часы его. В уединённых местах мы не чувствуем себя одинокими. У лесных врат изумлённому обитателю сего мира приходится отказаться от городского понимания великого и малого, мудрого и глупого. Заплечный мешок привычки спадает с его спины, стоит вступить ему в эти пределы. Здесь присутствует святость, способная посрамить наши религии, и реальность, заставляющая усомниться в наших героях. Здесь обнаруживаем мы, что Природа является обстоятельством, которое умаляет все прочие обстоятельства — подобно Богу судит она всех пришедших к ней людей. Ночью или утром выползаем мы из своих тесных, перенаселённых жилищ и видим, какие величественные красоты нас окружают. С какой охотой бежали бы мы препон, что лишают их подлинной силы, расстались с софистикой и сомнениями и дали бы природе войти в нас. Приглушённый лесной свет — вдохновляющий, героический — подобен вечному утру. Издревле ведомые людям чары этих мест овладевают нами. Стволы сосен, тсуг и дубов представляются нашему изумлённому взору сверкающими клинками. Молчаливые деревья хотят, чтобы мы поселились рядом с ними и оставили помпезную пустяшность былой жизни. Божественные небеса и бессмертная смена времён года не знают ни истории, ни церкви, ни государства. Как легко устремляемся мы навстречу открывающимся далям, будучи поглощёнными новыми картинами и быстро сменяющимися друг друга мыслями; воспоминания о доме постепенно вытесняются из нашего сознания, память изглаживается тиранией настоящего, и мы уже победно ведомы природою.

Эти лечебные чары отрезвляют и исцеляют нас. Эти простые соприсущие нам радости действуют на нас благотворно. Мы возвращаемся

восвояси и находим друга в материи, к которой учёный мир с его претенциозной болтовнёй призывает относиться с презрением. Расстаться с материей мы не можем; душе дорог её старый дом: камень и земля для наших глаз, рук и ног то же, что вода для нашей жажды. Незыблемая вода и холодное пламя; какое здравие и какое сродство! Природа, всегдашний старый друг, любезный друг и брат, когда увлечены мы беседой с чужаками, являет нам свой честный лик, берёт нас в оборот и, пристыдив, заставляет забыть о пустяках. Человеческим чувствам в городе тесно. Ежедневно и еженощно покидаем мы свой дом, чтобы напитать глаза горизонтом; простор для нас, словно вода для омовения. Природные влияния разнообразны — от охранительного узилища до самых радостных и самых важных даяний воображению и душе. Это не только ведро студёной ключевой воды и костёр, к которому спешат продрогшие путники, но и возвышенная мораль осени и полудня. Нас приютила природа, подобно нахлебникам мы питаем себя её корнями и зерном, на нас взирают небесные тела, зовущие нас к уединению и предвещающие отдалённейшие времена. В синеве зенита романтизм обретает реальность. Если нам суждено быть восхищенными туда, если мы ищем небесного, если нас ждёт встреча с Гавриилом и Уриилом, из всей обстановки у нас останется лишь небесная высь.

Стоит какому-либо природному явлению завладеть нашим вниманием и день уже не кажется нам безблагодатным. Падающие в недвижимом воздухе снежинки, каждая из которых сохраняет совершенную форму кристалла; метель и мокрый снег над ширью вод и над равниной; волнующаяся нива; поросшее хоустонией поле, где от обилия цветов начинается рябить в глазах; отражение деревьев и цветов в озёрной глади; мелодичный, влажный и благоуханный южный ветер, обращающий каждое дерево в арфу; потрескивающие в камине поленья тсуги или сосны, яркое пламя которых придаёт значительность лицам и стенам гостиной — суть музыка и образы древнейшей религии. Я живу на низинных землях, где горизонт не слишком-то широк, и дом мой стоит на краю деревни. Но стоило нам с приятелем выйти на берег нашей речки и взмахнуть веслом, как мы тут же оставили не только деревню с её пересудами и её обитателями, но и самоё мир деревень и их жителей, и перенеслись в тонкую реальность заката и лунного сияния, слишком яркую для того, чтобы помрачённый человек мог войти в неё без научения и испытания. Мы проникаем телесно эту невероятную красоту, мы погружаем руки в эту стихию цвета, наши глаза омываются этими огнями и формами. В мгновение ока приходит отдохновенье, *villeggiatura*, и начинается царский пир, самый удивительный и самый радостный праздник, вечно творимый и взыскуемый неустрашимостью и красотой, силою и чувством. Его прообразуют и сулят эти закатные облака, эти незаметно проступающие, поблёскивающие — каждая по-своему — звёзды. Изящные искусства рано усвоили то, что им надлежит трудиться над приумножением

и продолжением этой изначальной красоты. Скудость наших измышлений и безобразие наших городов и дворцов для меня уже не новость. Я слишком много знаю для того, чтоб возвращаться туда. И впредь мне трудно будет угодить. Я наигрался вдоволь. Стал взыскательнее и мудрее. Жить в прежнем мире я уже не смогу; моим церемониймейстером станет селянин. Кому открыто больше, чем прочим, кому известны радости и добродетели земли и вод, растений и небес, и ведомы пути к ним, — тот подлинно богат и благороден. Пока хозяева мира призывают на помощь природу, они могут достичь высот славы. Висячие сады, виллы, беседки, острова, парки и заповедники — суть сильные средства для поддержки их собственной слабости. Средства опасные, делающие землевладельца неуязвимым. Подкупают и зовут они, — не цари и не дворцы, не мужчины и не женщины, — а безмолвные и поэтичные звёзды, эти выразители тайных обетований. Мы внимаем речам богатого человека, насышаны о его вилле и роще, винах и гостях, но влекут нас только звёзды. И в тихом блеске их нам видится то, что люди пытались воплотить в Версале, на Пафосе или в Ктесифоне. Поистине, без волшебной игры огней на горизонте и небесной синевы все произведения искусства обратились бы в пустые безделицы. Человека, которого принято считать хозяином природы, отличает развитое воображение, и потому богач напрасно корит бедняка за угодливость и раболепие. Ах, когда бы богатые действительно были такими, какими они представляются бедным! Засыпающий мальчишка слышит доносящуюся с плаца игру военного оркестра и видит себя в окружении королей, вельможных дам и благородных рыцарей. Эхо рога, скажем, где-нибудь в Белых горах превращает окрестные холмы в огромную эолову арфу, сверхъестественное звучание которой дарит юноше дорийскую мифологию, Аполлона, Диану и божественных охотников и охотниц. Надменная, горделивая красота в единой ноте. Столь же фантастичной рисуется несчастному юному поэту и картина общества; он законопослушен, он уважительно относится к состоятельным людям и воображает их — а как же иначе! — сказочно богатыми. Рощу за высокой оградой они называют парком, такой роскоши, как у них, он отродясь не видывал, в обществе изысканнейших людей ездят они на своих экипажах на воды и в далёкие города. Рядом с таким воображаемым поместьем любое имение кажется ему жалким загоном с уродливыми лачугами. И, наконец, сама муза предаёт своего сына: дары богатства и утончённой красоты видятся ему осиянными — из воздуха, из облаков, из придорожного леса — горделивым светом, приношением патрицианских духов патрициям природы, метою князя власти воздушной.

Моральная ответственность создателей новых Эдемов и Темпе, не всегда очевидна, материальный же пейзаж всегда доступен нашему взору. Совсем не обязательно посещать озеро Комо или Мадейру. Мы придаём слишком большое значение красотам отдельных мест. В любом пейзаже

нас восхищает, прежде всего, линия соединения неба и земли, а ею можно любоваться не только с вершины Аллеган, но и с ближайшей горки. Над самым невзрачным и заурадным общинным выпасом кружат те же необыкновенные ночные светила, что и над Кампанией или над мраморными пустынями Египта. Взвихрённые облака и краски утренней и вечерней зари преобразают ольху и клёны. Разница между пейзажами невелика, но созерцатели их могут разительно отличаться друг от друга. И более всего в любом пейзаже нас поражает то, что он всегда красив. Природу нельзя застать врасплох. Она прекрасна во всём.

Впрочем, когда ведёшь речь о том, что учёные именуют *natura naturata* или пассивной природой, очень легко лишиться доверия читателей. Прямо говорить о ней, соблюдая меру, крайне сложно. Попробуйте порассуждать о «предмете религии» в случайной компании. Стеснительный человек не станет выражать соответствующих чувств, не связывая их возникновение с некой тривиальной необходимостью: мол, он решил проверить свою лесную делянку, взглянуть на тучную ниву, привезти из дальних земель некое растение или минерал или, скажем, он держал в руках ружьё или удочку. Думаю, эта стыдливость имеет благую основу. В природе дилетантизм никчем и бесплоден. Бродящий по полям хлыщ ничем не отличается от своего бродвейского собрата. Человек по природе своей охотник или лесовик, и справочник, основанный на свидетельствах лесорубов и индейцев, мог бы занять в лучших книжных салонах почётное место рядом с разного рода «Гирляндами» и «Венками Флоры»; но обычно — либо потому, что мы слишком неуклюжи для столь деликатной темы, либо по какой-то иной причине — пишущие о природе страдают выпретенностью. Фривольность — самое неподходящее приношение Пану, которого в мифологии следовало бы представить самым целомудренным божеством. Памятуя о поразительной размеренности и дальновидности времени, я стараюсь не быть легкомысленным, однако не могу отказать себе в праве снова и снова возвращаться к этой давней теме. Множество ложных церквей служит укреплению истинной религии. Литература, поэзия, наука — дань людей этой непостижимой тайне, что не оставляет равнодушным или безучастным ни одного здравого человека. Природа любима лучшим в нас. Любима как Божий город, хотя в нём — или, скорее, поскольку в нём — нет жителя. Нет под солнцем ничего, на что походила бы вечерняя заря — она ждёт человека. И красота природы неизбежно будет казаться нереальной и дразнящей, пока на пейзаже не появятся ничем не уступающие ему самому человеческие фигуры. С появлением подлинно людей восторг перед природою исчезнет. Если царь во дворце, кому интересны стены? Когда же нет его, в доме, полном слуг и зевак, мы отвращаем свой взор от их лиц и укрепляем себя открывающимися нам в полотнах и в архитектуре образами великих людей. Критикам, ставящим интересы дела выше красоты природы,

следовало бы знать, что наше стремление к живописному неотделимо от протеста, вызванного лживостью общества. Пал человек, но не природа, — она служит своего рода дифференциальным термометром, позволяющим определить наличие или отсутствие в нас божественного чувства. Мы почтительно взираем на неё вследствие своей болезненной тупости и себялюбия, по нашем же исцелении она выкажет нам своё почтение. Вид бурного ручья может вызвать у нас чувство стыда, однако если течение нашей собственной жизни исполнится подлинной силы, ручей будет посярмлён. Всполохи пламени, а не отблески солнечного или лунного света угадываются в нашем рвении. Однако ищущий собственной выгоды человек может изучать природу и эгоистически. Самолюбие обращает астрономию в астрологию, психологию — в месмеризм (нам откроется, куда подевались наши ложки), анатомию и психологию — во френологию и хиромантию.

Многое осталось невысказанным, однако не будем медлить и восхвалим Природу Созидающую, *natura naturans*, непосредственную причину, о которой возвещают все формы, что несутся перед нею снежной лавиной; оставаясь сокрытой, гонит она пред собою (древние порою представляли природу в образе Протея, морского пастуха) стада и тьмы во всём их неописуемом многообразии. В творениях заявляет она о себе: от частиц и спикул — трансформация за трансформацией — переходя к высшим соразмерностям, от совершенства к совершенству, без тычков и скачков. Толика тепла или движения — единственное, что отличает голые, ослепительно белые и смертельно холодные полюса земли от плодородных тропических зон. Изменения осуществляются без насилия, что обусловлено двумя кардинальными обстоятельствами: бесконечностью пространства и бесконечностью времени. Геология приводит нас к мысли о секулярности природы, отучает от детских оценок и, открывая собственные дали, заставляет отказаться от Моисеевой и Птолемеевой схем. Вне перспективы все наши знания условны. Теперь нам ведомо долготерпение эпохи формирования камня и эпохи его разрушения, когда тончайшая внешняя чешуйка первого лишайника распалась и обратилась в почву, отворив тем самым двери далёким Флоре, Фауне, Церере и Помоне. Как далеко ещё до трилобита! Как фантастичен квадрупед! Как бесконечно далёк человек! И, тем не менее, все они явятся в своё время, и людские расы начнут сменять друг друга. От гранита до устрицы путь неблизкий, тем более, до Платона и до проповеди о бессмертии души. Но всё исполнится в точности, ибо у первого атома две стороны.

Движение или изменение и тождество или покой суть первая и вторая тайны природы: Движение и Покой. Весь свод её законов может уместиться на ногте или на печатке кольца. Кружащий по поверхности речки пузырь открывает нам секреты небесной механики. Любая ракушка на берегу —

ключ к ней. Размешивая круговыми движениями воду в чашке, мы начинаем понимать, как формировались простейшие раковины, постепенное же, год за годом, прибавление материи ведёт к появлению предельно сложных форм; и, тем не менее, сколь ни искусна природа, она бедна настолько, что от начала и до конца мира пользуется одним и тем же — но двусторонним — материалом, обеспечивающим всё её фантастическое многообразие. По воле её сложены звезда и песчинка, огонь и вода, дерево и человек, но материал у всего один, и свойства он выказывает одни и те же.

Природа всегда последовательна, хотя нам представляется, что она нарушает собственные установления. Она соблюдает свои законы, пусть нам и кажется, что она их претупает. Вооружает и оснащает животное, чтобы то могло найти на земле своё место и свою жизнь, и одновременно вооружает и оснащает другое животное, враждебное первому. Пространство разделяет тварей, но, одев птицу в перья, природа дарит ей известную вездесущность. Движение может быть направлено только вперёд, однако художник возвращается к основам и сызнава — но уже на другом краю — использует первичные элементы, ибо в противном случае всё рухнет. Когда взираешь на её работу, кажется, что видишь систему в переходном состоянии. Растения — молодая поросль этого мира, сосуды здоровья и силы, однако они продолжают неустанно тянуться вверх, к сознанию; деревья — несовершенные, укоренённые в земле люди, оплакивающие свою неволю. Животное — совсем недавно явившийся соискатель более высокого порядка. Люди, при всей их молодости, едва вкусив из чаши мысли, превратились в распутников; клёны и папоротники пока непорочны, однако, вне всяких сомнений, придя к сознанию, и они впадут в буйство. Цветы столь явно принадлежат молодости, что мы, взрослые люди, понимаем: эти прекрасные поколения имеют отношение не к нам, наше время прошло, настало время детей. Цветы оставили нас, и мы с нашими нелепыми нежными чувствами превратились в старых холостяков.

Вещи настолько точно соответствуют одна другой, что любой объект позволяет искусному наблюдателю предсказать состав и свойства любого другого объекта. Научись мы видеть, осколок камня из городской стены с необходимостью удостоверил бы нас в существовании как города, так и человека. Названное тождество делает всех нас едиными и обращает в ничто огромные промежутки на принятой нами шкале. Мы говорим об отходе от естественной жизни так, словно искусственная жизнь не является в то же самое время и жизнью естественной. Самый галантный лакей в дворцовом будуаре обладает животной природой, он груб, первобытен словно белый медведь, исполненный собственной силы, и при этом — аромат духоб и любовные письма тому не помеха — непосредственно связан с горными цепями Гималаев и осью вращения земли. Памятуй люди о том, насколько они природны, их отношение к городам не было бы столь

суеверным, ведь они, похоже, полагают, что там их не найдёт эта ужасная или благодатная сила, забывают, что и города зиждет она. Природа, что создала каменщика, создала и дом. Все мы насыщены о жизни в деревне. Спокойствие и отрешённость природы вызывает у нас, вечно недовольных и раздражённых созданий с раскрасневшимися лицами, зависть, и кажется, что стоит нам поселиться под открытым небом и начать питаться кореньями, как и мы сподобимся подобного же величия; но будем же людьми, а не сурками, и тогда дуб и вяз с радостью помогут нам, пусть при этом мы даже восседали бы на покрытых шёлковыми коврами креслах из слоновой кости.

Этим определяющим тождеством пронизаны все сюрпризы и контрасты отдельного предмета, им же характеризуется и любой закон. В голове у человека весь мир; вся астрономия и химия таится в его мысли. Поскольку в мозгу его запечатлена история природы, он и пророк, и открыватель её тайн. Любой известный естествознанию факт прежде своего реального подтверждения был кем-то предсказан. Человек не смог бы завязать шнурки, если бы законы, что связывают такие далёкие луну, растение, газ и кристалл, не выражались для него в конкретной геометрии и арифметике. Здравый смысл внемлет себе и мгновенно оценивает результаты химического эксперимента. Тот же здравый смысл, что и у Франклина, Дальтона, Дэви и Блэка, занимался систематизацией, которую он же теперь подтверждает.

Тождество является выражением упорядоченного покоя, противодействие также связано с упорядоченностью. Астрономы говорят: «Дайте нам материю и чуточку движения, и мы создадим вселенную. Одной материи мало, нам необходим и импульс, толчок, который вызовет движение тела и породит гармонию центробежной и центростремительной сил. Исходя из сделанного единожды броска шара, мы сможем проследить за развитием всей этой гигантской системы». «Крайне неразумный постулат, — отвечают метафизики, — делающий неизбежным следующий вопрос. Не станете же вы утверждать, что вам известен генезис броска и его длительность?» Между тем, не дожидаясь дискуссии о том, что правильно и что неправильно, природа даровала оный импульс, и шары покатались. Ничего особенного, просто толчок, но астрономы были совершенно правы, придавая ему такое значение, ибо следствия его бесконечны. Этот выдающийся исходный толчок передаётся посредством всех шаров системы и всех атомов каждого шара, всех видов живых существ, посредством истории и поведения каждого индивида. Усиление соответствует порядку вещей. Ни одно существо, ни один человек не будет послан природою в мир без некоторого избытка присущих им качеств. Планете придаётся определённый импульс; каждое создание наделяется силой для прохождения своего пути, подталкивается в нужную сторону; при этом всегда и во всём видится едва приметная щедрость, малая кроха избытка. Не будь электричества, воздух стал бы

затхлым; без отстаивания же мужчинами и женщинами своей правоты, без пыла и фанатизма мы лишились бы волнения и уменья. Чтобы поразить цель, мы всегда метим выше цели. Каждое действие сопряжено с преувеличением. Когда же приходит в мир видящий всю мелочность игры муж печальный и зоркий, что отказывается принимать в ней участие и раскрывает её тайну, — что происходит тогда? Неужто птичка улетает? О, нет, сторожкая Природа посылает новые — формы ещё совершеннее, а юноши еще царственнее — воинства, с малой толикой избытка наделяет их силою для скорейшего достижения ими своих целей и позволяет немного сойти с их собственного пути; тогда для одного или двух поколений игра начинается сызнова. Пленённое собственными чувствами, послушное всему, что оно видит и слышит, не умеющее сравнивать и оценивать свои ощущения, склонное к обособлению, но не к обобщению милое проказливое дитя, которое можно осчастливить свистулькой или раскраской, оловянным солдатиком или имбирным пряником, радуется всему новому и, наконец, засыпает, утомлённое нескончаемым приятным безумием дня. Меж тем, кудрявое неразумное дитя с ямочками на щеках отвечает целям Природы. Она испытывает каждую способность и обеспечивает этими установками и усилиями симметричное развитие телесной основы, которое важно настолько, что передоверить его Природа не может никому. То сияние, тот переливчатый ореол, которым окружены для ребенка все игрушки, учит его правильному восприятию; дитя обманывается во благо. Обретение жизни и сохранение жизни сопряжены с одними и теми же навыками. Стойки вольны говорить всё, что угодно, но мы едим не ради блага жизни, а единственно потому, что еда вызывает у нас аппетит. Растение — будь то цветок или дерево — приносит не одно семя, но наполняет воздух и землю обилием семян: тысячи погибнут и тысячи упадут в землю, сотни взойдут, десятки достигнут зрелости, чтобы хотя бы одно из них могло прийти на смену родителю. Расчётливое изобилие видится во всём. Кажущийся чрезмерным страх, за которым прячутся живые существа, что ёжатся от холода и вздрагивают при виде змеи или внезапном звуке, не только порождает пустые тревожнения, но и защищает нас, по меньшей мере, от одной по-настоящему серьёзной опасности. Влюблённые ищут в браке счастье и полноту жизни, не думая при этом о будущем, природа же таит в их счастье собственную цель, а именно, продление или вечность рода.

Искусность, с которою сотворён этот мир, сказывается и на разуме и характере человека. Вполне здравых людей не существует, каждому из нас до известной степени присуще безрассудство; кровь приливает к голове, способствуя сохранению человеком того, что природа приняла близко к сердцу. Великие цели никогда не ставятся под сомнение, однако сводятся к соответствующим масштабам их поборников частностям, что вызывают ещё более ожесточённую брань. Не менее замечательна незыблемая вера

каждого человека в значительность своих дел и слов. Поэт или пророк ценит высказываемое им куда выше, чем любой его слушатель, иначе он хранил бы молчание. Сильный и самодовольный Лютер, не обинуясь, заявляет: «Сам Бог не может обойтись без умных людей». Категоричность противоречивых трактатов Якоба Бёме и Джорджа Фокса — свидетельство эгоизма их авторов; Джеймс Нейлор страдает, ибо желает, чтобы ему поклонялись, как Христу. Ныне каждый пророк отождествляет себя со своими мыслями, освящающими его сапоги и шляпу. Но то, что не нравится здравомыслящему человеку, приводит в восторг простолюдина, влекомого неистовством, остротой и шумихой. Подобное порою случается и в частной жизни. Пылкий молодой человек ведёт дневник, которому в часы молитвы и покаяния он доверяет самое сокровенное. Стоя на коленях в полуночный час или на восходе утренней звезды, перечитывает он эти страницы, что так горьки и сладостны для него, и омывает их слезами; священные, слишком хороши они для этого мира и вряд ли их возможно открыть даже самому близкому другу. Это дитя, рождённое душою и, пока не перерезана пуповина, питаемое её жизненными токами. Но однажды — и не без колебаний — молодой человек решится посвятить в свою великую тайну друга и раскроет пред ним свой дневник. Неужто эти строки не опалят его душу? Но, нет, бесстрастно просмотрев дневник, дражайший друг непринуждённо сменит тему разговора, донельзя уязвив тем самым своего собеседника. В написанном сомненья нет. Безумные дни и ночи, ангелы тьмы и ангелы света тёмными знаками запечатлели себя на страницах этой залитой слезами книги. Скорее, ум или сердце друга всему причиной. Так, стало быть, и друга нет? Юноше пока невдомёк, что свои глубокие переживания мы не всегда умеем выражать словами; открытие же того, что мудрость может говорить другими языками и служим ей не только мы, что истина будет высказана в любом случае и в этой связи нам не следует горячиться, возможно, поубавит в нас огня. Человек говорит до той поры, пока собственные слова не начинают казаться ему пристрастными и несовершенными. Они пристрастны всегда, пусть говорящий и забывает об этом. Но едва человек освободится от бессознательности и односторонности и осознает свою предвзятость, как посрамлённый он замолкнет. Впрочем, что может написать тот, кто в этот момент не думает об истории мира, или сделать тот, кто не считает свой труд значимым? Быть может, труды мои суетны, но вершить их безнаказанно я смогу лишь в том случае, если не буду считать их таковыми.

Природа же словно насмеяется над нами, она ведёт нас всё дальше и дальше, но никуда не приводит; она изменяет нам. Обетование предваряет действие. Мы существуем в системе приближений. Одна цель порождает другую, такую же временную; о полном или окончательном успехе не может идти и речи. Природа — наш стан, но не наш дом. Мы едим и пьём, понуждаемые голодом и жаждой; однако хлеб и вино, как ни смешивай

их и как ни готовь, оставляют нас голодными. То же самое можно сказать о наших науках и искусствах. Наша музыка, наша поэзия, наш язык суть приближения, но не свершения. Жажда богатства обращает его искателя в глупца и низводит планету до уровня огорода. Чего же он ищет? Он всего лишь хочет защитить разумное и прекрасное от уродства и пошлости. Но сколь же трудоёмкий метод для этого избран! Какие, оказывается, нужны средства для того, чтобы ничто не могло помешать беседе! Каменный дворец, слуги, стойла, кони и экипажи, банковский капитал и закладные, международная торговля, имение и особняк на берегу моря — и всё это ради обычной беседы, пусть даже глубокой, возвышенной и духовной! Но разве её не могут вести и нищие бродяги? Нет, кто как не они пытаются последовательно уменьшать трение колёс жизни, что, как им представляется, обеспечит такую возможность. Беседа, личность — вот заявленные цели; богатство хорошо, покуда оно используется для удовлетворения основных жизненных потребностей, прочистки дымоходов или смазки скрипучих дверей, когда оно позволяет собрать друзей в тёплой и тихой комнате или завести отдельные детскую и столовую. Изначальные цели — мысль, достоинство и красота; но даже у людей, не лишённых мысли и достоинства, может болеть голова, они могут промочить ноги или потерять в зимнюю пору массу драгоценного времени, ожидая, когда же, наконец, прогреется их комната. К несчастью, усилия, направленные на избавление от неудобств подобного рода, сопряжены с концентрацией на последних; прежние цели уступают место названному стремлению к уменьшению трения. Богатство смехотворно; в Бостоне, Лондоне и Вене, что правят ныне едва ли не всем миром, живут и властвуют богатые люди, народ же состоит не просто из людей, но из *людей бедных*, которые пока не разбогатели; богатые люди смешны, ибо вся их насада, их пот и неистовство ни к чему не ведут и сделанное ими не стоит и гроша. Они походят на человека, который прерывает общую беседу, чтобы произнести слово, но тут же забывает, что именно он хотел сказать. И всюду с болью видим мы одно и то же: целей нет ни у общества, ни у народов. Неужели в своём величии и силе природа требует от человека столь непомерной жертвы?

Разумеется, мы обманываемся не только в жизни, обманчивым представляется нам и облик внешней природы. Леса и воды льнут к нам и манят нас, но остаются при этом недостижимыми. Названная неудовлетворённость преследует нас повсюду. Нежные и прекрасные перистые облака, безмятежно парящие в небесной выси, кажутся не столько приметой места и часа, сколько прообразом нездешних исполненных радости кущ и садов. Сколь ни странна подобная ревность, но поэт чувствует себя потерянным. Ему мало сосны, реки, поросшего цветами берега. Природа для него не здесь. И то и это — не более чем оконечность, слабое отражение или отголосок былого триумфа, о блеске и великолепии которого нам

говорят окрестные поля или темнеющий за полем лес. Представление окончено — всё дышит покоем. Какую даль, какие тайники неописуемых сокровищ и красот раскрывает пред нами вечерняя заря! Но кто может взойти туда и прикоснуться к ним? Так и будут они веки вечные снова и снова спадать с небесной тверди. Среди мужчин и женщин, как среди немых деревьев, — всегдашние отдалённость и отделённость, но никак не соприкосновение и не полнота. Так, значит, красота неуловима и недостижима ни в людях, ни в пейзаже? Дева, прежде казавшаяся влюблённому далёкою звездой, лишается в его глазах бывшего очарования, стоит ей принять его предложение и сойти с небес.

А это повсеместное проявление исходного импульса, выражающееся в лести или укорах столь великого множества благонамеренных созданий? Уж не издёвка ль это? Неужто нас не возмущает навязанное нам предназначение? Неужто мы форель, которую ловят руками на мелководье, или посмешища природы? Одного вида небес и земли достаточно, чтобы исчезло любое раздражение, чтобы умиротворённые мы стали мудрее. Умному человеку природа видится безграничным обетованием, не требующим поспешного изъяснения. Секрет её сокрыт. Многие прознал волшебством Эдип и, казалось, ум его вмещал все тайны. Но, увы, те же чары лишили его искусности: он не мог произнести ни слова. В своём непреодолимом движении описывает она орбиту, уходящую вглубь незамутнённой радугой, но никто пока не мог отправиться вслед за нею и вернуться назад — это не под силу и архангеловым крылам. И кажется нам, что действия наши определяются и управляются не нашими решениями, но чем-то куда более серьёзным. Каждое мгновение нашей жизни мы ведомы духовными силами к благой цели. Мы не можем препираться с природой или вести себя с нею так же, как ведём себя с людьми. Сравнив её силы с нашими, мы вполне можем почувствовать себя игрушкой в руках неумолимой судьбы. Но если вместо того, чтобы отождествлять себя с работой, мы ощутим действующую в нас душу Работника, утренняя тишь поселится, прежде всего, в наших сердцах, непостижимые химические силы и силы гравитации, а за ними и силы жизни, предсуществующие в высшей их форме, мы откроем в самих себе.

Мысль о нашей беспомощности в цепи причин и следствий беспокоит нас постольку, поскольку мы придаём одному из состояний природы, а именно Движению, слишком большое значение. Но где колесо, там и тормоз. При любом превышении предела импульса Покой или Тождество исподволь начинают требовать компенсации. По всей земле на широких полях её растёт черноголовка, называемая также self-heal или «самоврачеванием». Сон помогает нам избавиться от невнятицы дня, исполненного раздражения и яри, и, хотя мы неизбежно увлечены частностями, а нередко и поработаны ими, в каждый опыт нами привносятся владеющие нами от рождения универсальные законы. Вечные воплощения последних,

существующих в сознании как идеи, окружают нас в природе мудрой данностью, раскрывающей и излечивающей людское безумие. Наша приверженность частному порождает в нас сотни пустых надежд. Нам кажется, что изобретение локомотива или воздушного шара станет началом новой эры; новый двигатель вызывает к жизни старые соблазны. Говорят, электромагнитные силы позволят вырастить салат за то время, пока будет готовиться ваше жаркое; таков современный символ наших намерений и устремлений, цель уплотнения и ускорения объектов; но в любом случае мы не выигрываем ровным счётом ничего, поскольку провести природу невозможно: протяжённость человеческой жизни — семьдесят салатов, как бы быстро или медленно эти салаты не росли. Тем не менее, названные соблазны и несуразности представляются нам не менее значимыми, чем реальные побуждения. Но, ведь, не потому отстаиваем мы свои позиции, что это сулит нам победу. Знание того, что мы проходим все уровни бытия от центра до полюсов природы и в любом случае примем свою мзду, придаёт смерти ту значительность, о которой философия и религия в получившем широком распространении учении о бессмертии души пытались говорить слишком поверхностно и буквально. Реальность превосходит любой рассказ о ней. Здесь нет ни гибели, ни разрывов, ни использованных шаров. Божественный круговорот никогда не прекращается и не замедляется. Природа — воплощение мысли, что вновь становится мыслью, подобно тому, как лёд становится водою и паром. Мир — осадок разума, свободная же мысль — его вовеки неуловимая летучая фракция. Отсюда сила и интенсивность воздействия природных, как неорганических, так и органических, объектов на разум. Человек темничный, человек кристальный, человек вегетативный обращается к человеку олицетворённому. Сила, для которой количество ничего не значит, что остаётся одной и той же и в целом и в части, сообщает утру свою улыбку и каждой капле дождя дарует чистейшую свою сущность. Каждое мгновение и каждая вещь учат нас, ибо нет формы, которая не была бы исполнена мудростью. Кровью течёт она в наших жилах, сводит нас болью, тешит нас радостью, в дни уныния и скорби или в дни вдохновенных трудов становится нашим покровом, но сколько ещё минует лет, прежде чем нам откроется подлинная её сущность.